Горец. Гром победы

Автор:
Дмитрий Старицкий

Горец. Гром победы

Дмитрий Старицкий

Горец #4

В мире ушедших богов война, охватившая целый континент, длится уже четвертый год, давно надоела всем враждующим сторонам, но все продолжается из-за невозможности преодоления «окопного тупика». Сотни тысяч павших под пулеметами в бесплодных атаках на колючую проволоку с обеих сторон. На фронте стабильное, но шаткое равновесие, и победит тот, кто сможет прорвать хорошо, инженерно оборудованный фронт. Опальный после крушения дирижабля, списанный по контузии из армии, имперский рыцарь Савва Кобчик в глубоком тылу создает не только тракторный завод, но и самоходные боевые машины на базе паровых тракторов… С формированием рецкой гвардейской «железной» бригады бронеходов появилась возможность выиграть войну… Но вот как после войны выиграть мир? Получится ли это у бывшего студента Тимирязевской академии – вот вопрос.

Дмитрий Старицкий

Горец. Гром победы

Зима в Реции так же разнообразна, как сама эта страна. Если высоко в горах все заваливает снегом и часто метет так, что и носа высунуть из хижины боязно, то в долинах все зависит от господствующего ветра. Там, где гуляет северный мистраль, так же холодно, как и на равнине, зато плодоносит олива, которую этот ветер вовремя опыляет. А в тех ущельях, куда задувают южные ветра с Мидетеррании, к зиме дозревает любой цитрус. И вообще каждый месяц что-нибудь цветет, как в земном филиале рая.

Что ни долина, то свой уникальный микроклимат, особенно там, где бьют теплые источники. Большой простор для бальнеологии и вообще курортного дела, туризма и спорта. Особенно для горных лыж, ибо на многих горах снег лежит и летом. Но это дело будущего, когда население империи станет мобильнее, обрастет жирком и возжаждет впечатлений от перемены мест. Пока же девять из десяти человек по доброй воле ареала своего обитания никогда не покидают. Не принято как-то. Где родился, там и сгодился.

В предгорьях погода ведет себя по-разному, но в основном зима тут мягкая, сиротская. Холода редки. Так – легкий морозец, который благодатно сковывает осеннюю грязь до весны.

А вот в степи, которая начинается сразу от предгорий и тянется до большой реки Данубий, год на год не приходится. Бывает, что суровые метели сопровождаются не менее суровыми морозами и перемежаются обильными снегопадами. Но даже когда на севере империи стояли аномальные холода и термометр опускался ниже тридцати пяти градусов, в предгорьях было минус десять-двенадцать от силы, словно никогда не замерзающий Данубий положил предел холодному дыханию Севера.

После огемских холодов, да и привычных для меня погод центрального района России, рецкая зима воспринималась мною больше как баловство. Ни разу шинель на полушубок не сменил.

Но прошла она вся в трудах и разъездах.

Отпуск называется.

Ага… для поправки здоровья. Где тут смайлик поставить?

Дома не каждую неделю удавалось побыть, хотя он рукой подать – в шестидесяти километрах.

Жил в салон-вагоне. Бухгалтерия рядом – в почтовом, при сейфе. И охрана при нас. С пулеметами. А то как же. На каждого вольного на стройке приходится по десять военнопленных. Не уголовники какие, но все же… лагерные сидельцы.

Моторный завод Болинтера на втором разъезде от Втуца (который авансом получил гордое название «город Калуга-на-Вартаве») уверенно поднимал стены цехов под крышу, и избыток рабочей силы перекинули на строительство сухого дока и водопровода.

Между цехами уже монтировали заранее заказанную на «Рецких дорожных машинах» большую паровую машину с двойной системой питания (и жидким, и твердым топливом). Паровик будет со своего вала ремнями передавать вращательный момент всем станкам в двух цехах разом.

Увеличился парк строительных и дорожных машин. Между заводом, портом и доком они расчищали площадку под будущую нефтебазу. В подобном железном баке товарищ Сухов с гаремом и пулеметом прятался. На вырост строим, в расчете на снабжение нефтью по железной дороге в перспективе, как сырой, так и керосином. Баржи и пароходы по реке у нас также на нефтяных движках Болинтера ходить будут. Пока на сырой нефти…

Нефтяная отрасль здесь настоятельно модернизации требует. Крекинга и рынка сбыта для ее фракций, помимо светильного керосина. А то нехозяйственно как-то получается.

Но на всякий случай выделили место под угольные склады не только на железной дороге, но и на реке – все равно подвоз угля выгоднее по воде с Данубия из Теванкульского разреза. Он там дешевый, так как добывается открытым способом, а не в шахтах. Да и качество его приемлемое. Нефть – дело будущего, а пока всем прогрессом в империи уголь рулит. И не только в империи…

Залили бетонные фундаменты под завод керогазов, масляных ламп, карбидных фонарей и каретных фар, металлической посуды, столовых приборов и прочей бытовой мелочи для самой широкой публики. «Кобчик-хозбыт». Со временем

планирую наладить в нем же эмалировку простого железа, чтобы и медь экономить, и продукт удешевить. И назло врагам здесь же буду делать самовары – промышленной штамповкой. Есть такая лазейка в лицензионном договоре, что могу я их делать, но только сам. Ну а коли завод на сто процентов мой – то, значит, это я делаю сам. Мои зубробизоны от юстиции все обосновали предельно четко. Но пока работает только один цех ширпотреба, что заточен под ручные гранаты – фронт их с каждым днем требует все больше и больше. Распробовали. Понравилось.

Расчищались в городе площадки под будущие вокзалы – речной и железнодорожный. Вбивались колышки. Утверждались проекты.

Отсыпались насыпи заводских веток железной дороги. С Теванкуля привезли баржу креозота в бочках, и пленные активно изготавливали шпалы и укладывали их. Пока что в штабеля вдоль этих насыпей. Лесопилка работала не только световой день, но и всю ночь под ацетиленовыми прожекторами. Рельсы привезут из центральных областей империи. Вопрос – когда? А пока как всегда… «Кирпич бар – раствор йок, раствор бар – кирпич йок». Если генштабу приспичило где-то новую рокаду поставить, то весь гражданский сектор встает. На всех рельсов не хватает.

Тяжести пока гоняем временными конными декавильками[1 - Декавилька, или дорога Декавиля, – узкоколейка 500–600 миллиметров шириной из готовых металлических или деревянных секций. Как правило, на конной тяге.] на деревянных рельсах платформами с деревянными катками. А что делать? Планирую потом, когда стройка закончится, по тем же путям узкоколейки пустить нормальную конку. Для людей.

Расширился поселок железнодорожников при разъезде. Я своим переселенцам из Огемии, которые влились в мою транспортную компанию, выдал ипотечные кредиты под частную застройку. К весне они освободят мне первый барак под штаб строительства. Хватит ему в вагонах мыкаться.

Кстати, это была первая публичная акция нового банка, на который я замкнул все финансовые потоки своих предприятий. «Бадон-банк». Даже не банк, а так… банчок. Кассово-расчетный центр скорее, потому как чисто банковской деятельностью – аккумуляцией денег населения и выдачей кредитов ему же – мы пока не заморачивались. Просто все расчеты так идут быстрее, и не надо сторонним финансистам платить проценты за переводы. Свой персонал

обходился куда дешевле даже при солидных зарплатах.

Председателя правления в этот банк выделил из своих проверенных кадров герцог Ремидий, а главным ревизором я поставил туда Альту, хоть это и вызвало шок в местных деловых кругах. Как же: бабу – и в святая святых бизнеса! Но у нее не забалуешь – мало того что специалист она хороший, так еще мать наследника герцогского трона. Впрочем, довольно быстро убедившись в ее деловых способностях и бульдожьей хватке, местные финансисты смирились и даже стали ей заказывать независимый аудит.

Активно возводились в Калуге временные бараки для строителей и будущих заводских рабочих. Я прекрасно понимал, что нет ничего более постоянного, чем временное, но жилье здесь требовалось еще вчера, и строить благоустроенные рабочие слободки не было лишних ресурсов. Людских в первую очередь. Под такие поселки заранее выделили только землю, которую в будущем будем раздавать рабочим под жилую застройку и сады с огородами. Хочешь – сам строй, хочешь – ипотеку бери. Если дом типовой от строительной конторы нашего же концерна, изготавливающего сборные срубы из бруса в Будвице, – то существенная скидка. Собственноручно построенный дом привязывает к рабочему месту крепче всего. А с ипотеки будем списывать по пять процентов за каждого ребенка в семье. Это же наши будущие рабочие.

Между заводами и поселками насадим широкие лесополосы вдоль дорог. Здесь вырастет город-сад, такой, каких в империи еще никогда не было. А пока только тонкие прутики саженцев, грязь, строительный мусор и раздолбанные грунтовки, как всегда на стройке.

Но я вижу этот город.

Я вижу этот сад.

«Не каждый мог так щедро жить – на память людям города дарить».

А в том, что вражеские пленные вместо разрушения нашей земли обустраивают ее, я видел высшую справедливость.

К концу февраля наконец-то удалось организовать четкое управление строительством и городским хозяйством. Даже полиция сама собой произросла.

И на мне остался только контроль над руководящими кадрами и исполнением генерального плана города.

А ведь умудрялся я не только находить время для оформления заявок на патенты, но и трактор за это время сконструировал – кульман в салоне стоял. И таблицу Менделеева довел до публикации.

На что у меня действительно не хватало времени, так это на семью.

Таблицу элементов я все же сделать успел до того, как на меня навалились новые заботы по военно-промышленному комплексу. Может, она вышла и не такая стройная, как у самого Дмитрия Ивановича (но на то он и гений, а я всего лишь жалкий плагиатор), но по ней уже зримо прослеживалась корреляция атомного веса элементов с периодами изменения их свойств.

Чтобы опять не нарываться в прессе на козни многочисленных моих недоброжелателей, я не стал делать об этом доклад в империи, а опубликовал короткую статью за границей, в соседнем Швице. В серьезном журнале «Химия гор». Просто взял и послал рукопись по почте. На деревню дедушке, основываясь только на репутации швицкой честности.

В отличие от Реции, в Швице предгорий и равнин не было, только долины, но геология и химия были там развиты традиционно из-за особенностей экспорта этой горной республики.

Называлась моя вымученная работа: «О соотношении свойств химических элементов и их атомного веса».

Опубликовали статью неожиданно быстро, в ближайшем же номере, с восторженными комментариями остепененных швицких химиков.

По почте же мне прислали обратно несколько экземпляров журнала.

А вот с гонораром кинули. Наука тут храм, а не торжище…

Швицкий горный институт бесплатно разослал журнал с моей статьей всем ведущим химикам мира. Пиарщики доморощенные. Они на мне решили поднять рейтинг своего издания в мировой научной табели о рангах. До того журнал «Химия гор» не входил в мировой научный мейнстрим из-за предельной зацикленности содержания только на собственных местечковых проблемах.

Газеты заметили демарш швицких химиков и привычно дали рецензию о том, что «Кровавый Кобчик», известный ранее изобретениями разнообразных бытовых поделок, таки открыл новый фундаментальный закон мироздания. Подано все это было как курьез, типа «что хорошего может быть из Реции?».

Авторские экземпляры я раздал своим химикам, один сдал в библиотеку Политехнического общества и еще один отослал на экспертизу в Будвиц к Помахасу – все же он доктор химии и признанный научный авторитет. Завязалась активная переписка.

Статью перепечатали в «Трудах Будвицкого политехнического института». Все же я их почетный доктор. И в имперской научной прессе завязалась суровая дискуссия, которая из-за невозможности опровергнуть сам менделеевский принцип быстро скатилась к обвинению меня в отсутствии патриотизма, раз я публикую такие эпохальные вещи за границей. Жалует царь, да не жалует псарь… Всегда найдут, за что укусить. Было бы желание.

Обиду научного сообщества империи можно понять. До войны вся мировая наука здесь делилась поровну на имперскую и всю остальную. Разве что островитяне слегка опережали в практических инженерных разработках, связанных с морем и железной дорогой.

Вот чего я совсем не ожидал, так этого того, что в хор голосов, укоряющих меня в недостаточной любви к родине и невосторженный образ мыслей, включится даже Ремидий. На что герцог немедленно получил мой резонный ответ:

– Ваша светлость, в самой Реции никакой научной периодики пока нет, кроме редких альманахов Политехнического общества. А швицы вроде как нам дальние родственники, и язык у нас практически один. Не имперцам же делать такие подарки. При публикации такой сенсации в столице империи о Реции никто и не вспомнит, говорить будут только про империю. И вся слава опять пройдет мимо наших гор.

– Ну разве что все это в таком разрезе понимать… – пожал плечами герцог после некоторого раздумья. – Тогда тебе придется делать еще один доклад в нашем обществе.

И при этом он лукаво мне подмигнул, разглаживая усы.

Я не стал отказываться. Перцу, официально признанному за границей, делать доклады намного проще, ибо «нет пророка в своем отечестве…».

Следующую статью «Опыт системы элементов, основанный на их атомном весе и химическом сходстве» с готовой таблицей я уже сам разослал веером по всем серьезным научным изданиям, даже во вражеских странах (им с оказией через редакцию швицкого журнала).

Причем не вышло у меня, как я надеялся, простого плагиата с Менделеева. Но, зная принцип, уже легче было тасовать карточки с элементами на столе в подобие менделеевской таблицы. При этом я не стал заходить за то количество элементов, которое было открыто на то время в этом мире. Шестьдесят четыре так шестьдесят четыре. Открытием считалось объединение элементов в группы по атомному весу, когда свойства элементов изменяются не постепенно, а скачкообразно и имеют химическое сходство в периоде, что в принципе и отличает металлы от неметаллов. В отличие от их природного агрегатного состояния – жидкого, твердого и газообразного, в котором могли пребывать и те и другие.

Но важнее всего было то, что в таблице логично остались пустые клетки, которые, как я заявил на докладе, заполнят те, «кто идет за мной». Эти клетки не могут быть пустыми в принципе. Многие сомневались в моих словах, не веря в мою убежденность. А я так просто знал, что так оно и есть. Очень меня удивляло то, что в местных научных кругах многое принималось на веру. Оттого и приходилось постоянно доказывать правоту опыта. Возможно, именно от такого отношения к научным новшествам и родился обычай диссертации защищать. Но все равно вера в умозрительные постулаты пока рулила.

Вражеская пресса ожидаемо подняла хай, что не может дикий горец с кровожадными наклонностями быть столь выдающимся ученым. Как ни крути, а у союзников от моей публикации пострадала репутация. Если империя может себе позволить тратиться на чистую науку во время даже не войны, а мировой

бойни, то, знать, высок ее потенциал. А все, что возвышает нас, – унижает врага.

Республиканцы так вообще обвиняли меня в плагиате работы их химика Бенрейтера. Конкретно – статьи «Закон триад», которую он опубликовал в еще королевском городе Лютеце за полвека до наших дней, накануне их буржуазной революции. Но Бенрейтер объединял элементы совсем по другим параметрам, где атомный вес был второстепенным, вскользь упоминаемым признаком. Так что…

Имперская пресса сначала охотно подпела «вражеским голосам», исходя страстью «законно» меня покусать, но быстро угомонилась от хорошего пинка из императорского дворца и стала огрызаться, отстаивая приоритет Реции, соответственно мой и самой империи. Все же император у нас далеко не дурак.

Мне осталось только рассказывать журналистам, в одночасье ставшим ко мне доброжелательными, о долгих вечерних пасьянсах с карточками элементов в течение полугода и о том, как окончательную их конфигурацию я увидел во сне. Что и разошлось легендой по всему миру. Зачем плодить сущности, если старые хорошо работают? Пусть даже они и из другого мира.

Швицкий горный институт заочно присвоил мне степень доктора химии без защиты диссертации, опередив имперскую научную общественность, которая от досады только крякнула. И чтобы не остаться на обочине праздника, выбрали меня членом-корреспондентом Имперской академии наук по отделению естествознания.

Из изгоя я в одночасье превратился для аристократии в модную персону. Меня наперебой приглашали во всякие салоны в качестве экзотической зверушки для развлечения гостей. И очень обижались, когда я такие предложения не принимал. Некогда мне ездить по миру со светскими визитами. Война идет. Родина в опасности. Меня все вьючат и вьючат по линии военно-промышленного комплекса, невзирая на мою официальную контуженность на всю голову.

Для разбора почты пришлось нанять отдельного секретаря. Однажды я получил письмо без обратного адреса, присланное в рецкое Политехническое общество. В конверте была короткая записка без подписи на дорогой плотной бумаге. «Я не ошиблась в тебе, мой герой». И все. Даже подпись отсутствовала. От письма нежно пахло свежестью дорогих цветочных духов. Но мне вдруг резко

вспомнился запах карболки в санитарном поезде… и гинекологическое кресло в соседстве с ножной бормашиной на ременном приводе.

Дома была идиллия. Жена, выросшая на хуторе без подруг и сестер, заполучив старшую подругу в лице умной ясырки, души в ней не чаяла. Так что меня намного меньше теперь пилили за отлучки из дома. Им вдвоем жилось нескучно. Это был плюс. Зато в бытовых конфликтах они выступали против меня единым фронтом. Не скандалами, конечно, у горцев такого не водится, но мягко и неуклонно так давили со всех сторон. А это минус.

Даже Зверзза – официального моего домоправителя они давно под себя подмяли и даже по случаю женили на няньке моего сына, чему эта дурёха была страшно рада. Как-то не находилось ей до того ухажеров среди моей охраны и слуг.

Я не узнавал строгого унтера, которого побаивался весь наш стройбат. А там, как известно, служат такие звери, которым даже оружия не дают. Но этот женский фронт и его доконал.

Зверзз… Он даже как-то обратно на стройку у меня попросился, и, возможно, так и срослось бы, если бы его не подвело здоровье. Расплющенная нога у него неожиданно стала гнить, и пришлось ее ампутировать в военном госпитале Втуца.

– Ваша милость, – как-то пожаловался он мне, когда я навещал его в госпитальной палате. – Знали бы вы, как мне надоели эти костыли. У меня под мышками уже мозоли образовались.

Я подсуетился и за приличные деньги выписал на дом лучшего протезиста в империи. И теперь Зверзз хромал на аккуратном шарнирном протезе в ботинке, скрывая ремни на голени щегольскими кожаными крагами. И казалось, что он даже с женитьбой на некрасивой девице смирился. Особенно когда я заявил, что раз девушка-сирота находится под моей опекой, то сам фельдфебель теперь входит в мою семью на правах родственника.

Ну и приданое мы с Эликой составили ей приличное, как бедной родственнице. Возможно, размер этого приданого и примирил Зверзза с невзрачной внешностью жены. Но приблудных своих помогальников он по-прежнему любил

как сыновей. А те у нас росли как на дрожжах, исполняя роль прислуги за все. Кто голодал, тот ценит хорошее место.

Оба парня быстро научились болтать по-рецки и даже писать пробовали, обучаясь у моих охранников. Они уже заявили, что в армию пойдут добровольцами, и только в горные егеря. Иной раз они мне напоминали меня самого тем, что старались быть большими рециями, чем сами реции.

Иногда я кого-нибудь из них брал с собой в Калугу в качестве ординарцев. Приучал к делам. А более всего заставлял их все свободное время зубрить учебники за среднюю школу, наутро проверяя уроки. О том, что они будут сдавать экзамены экстерном за восьмилетку, я уже договорился. Цена вопроса – новые парты на всю школу, которые мне аккуратно сваяли пленные из досок по чертежам от директора гимназии. Зверзз этому был только рад и периодически лупил парней ремнем, заметив малейшее нерадение в учебе.

Сын Митя перестал гулить и сказал свое первое слово. «Дай!» В ответ на это пришлось философски констатировать, что между мной и моим сыном лежит глубокая социальная пропасть. Я сын крестьянина, а он сын фабриканта и камергера.

Супружеский долг исполняла ясырка, так как жена вся целиком ушла в свою беременность и, как показалось мне, была даже рада тому, что у нее есть для меня заместительница. Любить меня Элика не перестала, но любовь ее стала какой-то другой. Благодарной, что ли…

Я же часто прикладывал ухо к ее растущему животу, поглаживал его и слушал, как там развивается плод, который мы все, чтобы не расстраивать Элику, называли «дочкой».

Зато Альта в койке отрывалась за двоих.

Если это не семейное счастье, то я не знаю другого…

Единственно, что омрачало жизнь, так это то, что после «периодической таблицы Кобчика» от меня все чего-то ждали такого этакого… Эпохального. Не

просто ждали, а открыто требовали. И это меня здорово напрягало.

Пришлось потратиться и «открыть» йод.

Водоросли мне доставили по зимней дороге из Риеста по личному указанию графа Риестфорта. Ага… А куда чиновникам было деться, если бланк и печать настоящие, даже подпись. И все соответствующие приписки от Дворца в наличии. Но за срочную доставку через зимние перевалы вьючным караваном пришлось заплатить самому. Немало.

Дальше было дело техники и химии. Точнее, моих химиков на зарплате. Я только отдал им водоросли и, обрисовав задачу, уехал на стройку в Калугу. И они уже сами почти месяц колупались – жгли водоросли по-разному, выпаривали, осаждали… и нашли-таки способ выделить из золы сначала йодный раствор, а из раствора уже сами кристаллы йода.

Потом новый химический элемент представили публике на докладе в Политехническом обществе. И торжественно под аплодисменты ученых я заполнил пустую клеточку в «моей» таблице. Нашли, что слово «йод» по-рецки звучит несколько неприлично, и гордо назвали новый химический элемент «рецинием». Я согласился.

Часть кристаллов йода отправили на независимую экспертизу в Имперскую академию наук. И та подтвердила, что это не сложное вещество, а таки действительно новый химический элемент.

Это был оглушительный успех в научном мире, который как-то прошел мимо военных. Те его не заметили совсем. Ни наши, ни вражеские.

Одним из соавторов открытия йода я поставил Тима Йёссена, который был основными «руками» этого эксперимента. На радостях, получив официальную квалификацию «лаборанта химии» с соответствующим окладом жалованья, парень отказался в этот год поступать в Будвицкий политех, а поехал с другим моим соавтором – химиком Хотеком – ставить в Риесте завод по изготовлению йода из водорослей. Поближе к сырьевой базе.

Потому что как только врачи из военного госпиталя распробовали, что это такое – спиртовая настойка йода (настойка рециния или «рецкий бальзам», если

по-местному), так сразу хором заорали: «Дай! Быстрее. И побольше!»
И мальчишка загорелся подвижничеством. Я не возражал – войдет парень в историю науки, а доучится потом. Именную Бадонскую стипендию он может получить от меня в любой момент по собственному желанию.

Герцог Ремидий не растерялся и ничтоже сумняшеся объявил производство йода (рециния) государственной монополией Реции, а способ его производства – государственной тайной герцогства. А мы трое получили на руки авторское свидетельство о приоритете. И приличную премию от герцога. Патент перешел в собственность герцогства. Все причастные дали подписку о неразглашении на сторону технологического процесса.

Выдал герцог моим химикам на руки самые грозные бумаги для местного начальства с открытым финансированием строительства нового завода в Риесте. Одновременно рядом должны были поставить спиртовой заводик, и выход готовой продукции планировался уже в виде спиртового раствора, готового к медицинскому применению.

Собственником предприятия на сто процентов становилось герцогство. Вся прибыль шла в бюджет.

Хотека назначили на новое производство управляющим инженером.

Когда мне герцог об этом сообщил, я только крякнул от неудовольствия, но возражать не стал – против лома нет приема. Слишком я зависел от герцога финансово и организационно по другим своим предприятиям. И если уж совсем по гамбургскому счету, то я и так с помощью Ремидия нехило приподнялся. Реальный миллионер уже, если золотом считать. И вряд ли я всего этого добился бы без его протекции и поддержки, в том числе и денежной. Только внес в герцогские планы разумные коррективы.

Во-первых, объявить йод, то есть рециний, «для города и мира» нашим горным природным ископаемым. Место «добычи» засекретить. Пусть кому надо ищут до посинения – горы у нас большие.

Во-вторых, само производство «рецкого бальзама» замаскировать под мануфактуру матрасов из сушеных водорослей. А промысел йода замаскировать под сжигание «некондиционных» водорослей, типа ликвидация отходов

производства. Таким образом, хорошо мотивируется сбор водорослей, к которому необходимо широко привлечь прибрежных жителей. Как и к пошиву самих матрасов. А готовые матрасы направлять хотя бы в военные госпиталя по Реции и на ту же военно-морскую базу в Риесте. Частью можно выставить в открытую продажу.

В-третьих, зачем возить тяжести через горы? А именно сам спиртовой раствор йода? Бодяжить йод со спиртом можно в любом месте, в той же Калуге. А через горы возить только сам кристаллический йод. Он легче при одинаковом объеме тары и больше его влезет в емкость.

В-четвертых, бодяжить «рецкий бальзам» прямо на спиртовом заводе только в отдельном цеху. Там же и фасовать. Завод по выделке медицинского спирта устроить в той же Калуге. Место, где его приткнуть, есть. И логистика там проще.

В-пятых, фасовочную тару изготавливать на «Рецком стекле». А для перевозки кристаллов йода через горы устроить филиал «Рецкого стекла» в Риесте. Делать на нем большие бутыли темного стекла литров на шестнадцать-двадцать, так как не знаю я, как себя кристаллический йод поведет под прямыми солнечными лучами. И те же матрасы можно использовать как амортизирующие прокладки в дороге. Часть бутылей продавать на месте под жидкие грузы, кислоты в первую очередь.

Подумав, Ремидий со мной согласился.

Так что кроме государственной премии, которую мы честно поделили на троих, с производства йода заработать мне ничего не удалось.

А так мечталось…

Премия от герцога даже мои затраты на доставку водорослей через зимние горы не окупила.

Наука тут храм, а не торжище. А любой храм требует жертвоприношений.

В качестве утешения герцог «повелеть соизволил» произвести меня в «коммерции советники» с правом обращения «ваше превосходительство».

2

Редкое мое гостевание в собственном доме прервал посыльный с завода «Гочкиз».

– Ваша милость, там какие-то люди из столицы империи к нам на завод рвутся. Во главе с целым генералом. – Курьер имел вид нарочито запыхавшийся, хотя доставили его к нам на «гору» в пролетке.

Черт дери местную телефонную компанию, которая все никак не может окучить наш берег реки.

– И?.. – поднял я правую бровь.

– Охрана их не пускает. Согласно вашей инструкции, – выдохнул курьер.

– Сколько их?

– Пятеро.

– Все военные?

– Нет, ваша милость. Только генерал. Остальные штатские. Скандалят, но на пулемет не лезут.

– Какой пулемет? – удивился я.

– У охраны в руках.

– Так… – прикинул я ситуацию к носу. – Бери шарабан. И вези их всех сюда ко мне. С извинениями, что я себя не очень хорошо чувствую, чтобы приехать на

завод. И приглашаю к себе.

Накрутил кухарку на легкие закуски и хорошее вино. Альте и Зверззу наказал приготовить холл к саммиту.

Сам поверх штатских брюк и тонкого свитера накинул шикарный тканый, с золотой ниткой халат из Южной Мидетеррании – подарок жены к Новому году, опоясавшись витым шелковым шнуром с кистями. Фиг вам, а не парадный прикид. Болею я. И в любой момент на этом основании могу дезавуировать любые договоренности под давлением.

Осмотрел, как собирают и оформляют переговорный стол в холле. Нашел, что чего-то тут точно не хватает…

Прошел в кабинет и по-быстрому выклеил пирамидку из ватмана. На каждой ее грани написал плакатным пером чертежным шрифтом: «Спасибо, что вы здесь не курите». Красной тушью. И поставил ее в центр стола.

Вот так-то вот…

Препод один как-то рассказал на лекции в качестве оживляжа, что курящий человек теряет концентрацию внимания после пятнадцати, максимум двадцати минут переговоров. Если не закурит, то теряет ее и дальше. Кроме того, у него появляется желание свернуть переговоры как есть и выйти покурить. У кого сильнее, у кого слабее. Но у всех. В итоге курильщики часто соглашаются на условия, на которые бы не согласились, если бы курили.

К тому же если прибудут они с какой-либо «домашней заготовкой», то такое объявление явно собьет их с мысли. Хоть на время. И даст мне возможность перехватить инициативу.

Подождем. Будет день – будет пища. Нечего раньше времени икру метать.

Через час холл приобрел вид переговорной комнаты солидного московского офиса. Ну так… в приближении.

Раздаточное окно на кухню задрапировали плотным сукном под цвет оконных штор и гардин на двери моего кабинета.

Серебряный чайно-кофейный сервиз из трофеев надраили до блеска.

Кофе, чай, вино готовы к подаче по первому требованию.

Белая горничная на стрёме в кружевном переднике и с наколкой в волосах, готова к услужению.

Только Альта осталась в вышитом национальном платье горянки. Хотя для понимающего глаза ее платье стоит больше самого дорогого прикида из модных бутиков Гоблинца.

Жену я попросил воздержаться от этой компании, потому как не в ее положении нервничать.

На столе перед каждым посадочным местом положили блокнот для записей и карандаш. Карандаши заказные цанговые из латуни с логотипом «Гочкиза». Мелкосерийное производство для представительских целей. Пускать их в широкую продажу пока что посчитали нерентабельным.

Генерал оказался мне знаком – сам князь Барч Урагфорт собственной персоной. Начальник Главного артиллерийского управления Имперского генерального штаба. Генерал-лейтенант артиллерии.

Давно не виделись. Больше полугода. Не скажу, что наше свидание на полигоне у Многана было для меня приятным, но за это время много воды утекло. Прилепил себе на морду американскую улыбку и со всей доброжелательностью сказал гостям:

– Ваше превосходительство, я счастлив принимать вас у себя дома, – чуть склонил я голову. И тут же шикнул на горничных: – Примите у господ шинели.

Четверо штатских, прибывшие с Барчем, мне никогда еще не встречались. Но, думаю, генерал их не зря с собой притащил на наш завод.

– Проходите, господа, присаживайтесь. Чай? Кофе? Подогретого вина со специями?

Все разом попросили с морозца подогретого вина, и я приказал приготовить глинтвейн. В принципе все и так готово было – осталось только подогреть.

Когда все расселись, я раздал им свои визитные карточки для гражданского обихода, где отсутствовали мои военные чины:

САВВА КОБЧИК, барон Бадонверт,

имперский рыцарь,

камергер его светлости Ремидия, герцога Реции,

коммерции советник и президент концерна «Гочкиз»

По виду генерала, по тому, как он вертел в руках мою визитку, я понял, что тот не знал, что я камергер и воспитатель молодого графа. Чувствовалось, что мое камергерство его несколько обескуражило.

Сам я сел во главе стола напротив генерала. Дождался, когда горничная принесет всем глинтвейн, и спросил:

– Итак, господа, что привело столь блистательное столичное общество в наши скромные предгорья?

– Инспекция военных предприятий… – слегка запнулся генерал и через некоторую паузу добавил: – Дорогой барон. В том числе и ваших. Позвольте мне представить вам моих спутников.

И после моего благосклонного кивка стал называть их, а те, приподнявшись со стула, кивать мне.

– Барон Бойсфорт и мастер Каноп, аудиторы Имперского министерства финансов. Мастер Кнопик, инженер-сметчик. Барон Карушверт, асессор Имперского министерства промышленности.

– Инспекция? – переспросил я, когда церемония представлений закончилась.

– Именно так. Инспекция того, как тратятся деньги, выделяемые частным фабрикантам из имперской казны на военные нужды, – подтвердил князь.

– А при чем тут мы? – поднял я правую бровь.

– Фирма «Гочкиз» получила от империи большие преференции и субсидии на программу выпуска пулеметов системы «Гоч-Лозе». Вы же не будете этого отрицать?

– Не буду.

– Вот мы и проверим, как эти деньги расходуются.

– А при чем здесь завод во Втуце? Я не понял. Программа «Гоч-Лозе» осуществляется на заводе в Будвице.

– Но завод во Втуце, насколько я помню, филиал завода в Будвице, – парировал князь.

– У вас устарелые сведения, генерал. С того момента, как только завод во Втуце стал работать по заказам казны Рецкой марки, нам пришлось провести по требованию его светлости реорганизацию, и теперь завод во Втуце имеет форму дочернего предприятия концерна и автономного юридического лица, самостоятельного в своей хозяйственной деятельности и не отвечающего по обязательствам завода в Будвице. Так что как минимум за этот стол требуется пригласить казначея герцога. До начала любых переговоров. Так как рецкий завод работает по заказу герцогства и обеспечивает пулеметами рецкие горные бригады. Мы здесь ни медяка не истратили имперских субсидий.

Да… Рейдерский наскок у имперских деятелей явно не проработан. На шарап работают в надежде, что провинциальный фабрикант сразу сдуется от самого

лицезрения больших персон. А тут облом… суровая охрана с ручными пулеметами и я, которого вроде здесь быть не должно… Я же на фронте дирижабли ломаю. Контуженный валяюсь после катастрофы, окруженный медицинскими светилами.

– Так что, господа уважаемые аудиторы, – продолжил я, – сначала вы должны утрясти этот вопрос во Дворце. Допущены вы к нашей бухгалтерии будете только после приказа из Дворца и только по субсидиарным деньгам герцогства. Все остальное, простите, тайна частной собственности. С аудиторами мне все понятно, генерал. Но что здесь делают инженеры?

Князь в очередной раз поморщился от моего обращения «генерал», но ведь он и сам не титулует меня «его превосходительством» как камергера. Так что терпи.

– Они должны дать заключение о возможности расширения производства и возможностях его удешевления.

– Вот как? – удивился я. – А может, им еще и «ключик дать от квартиры, где деньги лежат»? Тем более, насколько я помню, станковые пулеметы «Гочкиз», которые здесь производятся, так и не поставлены вашим ГАУ[2 - Главное артиллерийское управление Имперского генерального штаба.] на вооружение имперской армии. А от герцогских войск к нам претензий и рекламаций не поступало.

Сделал длинную паузу и добавил:

– Простите, генерал, но нахождение посторонних инженеров в столь щепетильной комиссии на секретном предприятии я могу рассматривать только как промышленный шпионаж.

– Что вы себе позволяете, мальчишка! – взвился инженер-сметчик, вскакивая со стула.

– Вы дворянин? – спросил я его спокойным тоном.

– Нет, – брызнул он на меня разъяренным взглядом и заявил гордо: – Я имперский гражданин.

– Тогда рекомендую вам безотлагательно покинуть мой дом – дом имперского рыцаря, пока вас из него не выкинули, как пьяного невежу из трактира, в ближайшую лужу. Вон!

– Барон, мне кажется, вы погорячились, – произнес князь примирительным тоном.

– Ваше сиятельство, вы в своем доме позволяете так себя вести незнакомым людям по отношению к вам?

Князь недовольно крякнул, но промолчал.

– Вот то-то же, – произнес я и повернулся к инженеру, который все это время стоял и смотрел на князя, видимо ожидая от того команды. – Вы еще здесь? Вам, наверное, неизвестно, что полагается в этих горах гостю за оскорбление хозяина дома?

Повернулся к двери во внутренние покои и крикнул:

– Зверзз!

Тот моментально высунул голову в приоткрытую дверь с вопросом в глазах.

– Прикажи своим мальчикам со всей обходительностью вывести этого гостя за пределы моих владений, – и показал на инженера, чтобы не попутали гостей ненароком.

Мальчики появились сразу же. За прошедшие полгода они здорово вытянулись и раздались в плечах на хорошей кормежке и свежем воздухе.

Один подошел к вешалке, где возникшая из ниоткуда горничная подала ему пальто, шляпу и трость инженера. А второй, с полупоклоном вежливо показав рукой, направил гостя.

– Ваша милость, выход у нас вон там.

Взбешенный инженер, видя уставленный в столешницу взгляд генерала, который даже не собирался приходить ему на помощь, гордо вскинув голову, прошел к входной двери, не говоря больше ни слова. Мальчишки Зверзза помогли ему надеть пальто, подали ложку для галош и шляпу. Открыли дверь и вышли вместе с ним наружу, не отдавая пока ему трость.

Князь Урагфорт сидел, плотно сжав губы и спрятав кулаки под столешницу.

– Ну не вызывать же мне его на дуэль, ваше сиятельство? – заявил я оправдательным тоном. – Слишком много чести для него будет.

Князь кивнул, соглашаясь. Все-таки сильная это штука – аристократическая солидарность.

– А вы как считаете, ваша милость? – обернулся я к асессору.

– Вы в своем праве, барон, – буркнул тот нейтрально.

Вошли Зверззовы пацанчики и доложились:

– Ваша милость, ваше приказание выполнено. Гость-невежа препровожден за пределы вашей земли.

Я их отпустил мановением руки, и старший из Зверззовых помогальников, проходя мимо стола, мне озорно подмигнул.

Ох как бы не перестарались они на общинной земле. Впрочем, на нашей мостовой если и есть лужи, то мелкие. Хорошо в свое время брусчатку уложили.

Когда мои «казачки» выходили из холла в покои, между их ног ловко протырился пятилетний граф Риестфорт, размахивая деревянной сабелькой с криком:

– Кто обижает моего верного слугу – тому жить надоело! – и грозно махнул крест-накрест своим оружием.

– Ваше сиятельство, – принял я строгий вид воспитателя. – Почему вы в такое время не в постели? Вам предписан в середине дня тихий час.

– Но, Савва, сам бы попробовал спать днем… – возмутился малолетний нарушитель режима, опершись на свое деревянное оружие.

– Все в детстве спали днем, – соврал я.

– А когда мы жили в поместье, то нас никто не заставлял спать днем. Даже отец.

С поклоном вошла строгая Альта, взяла своего сына поперек туловища и унесла с извинениями.

А тот все кричал, размахивая саблей за ее спиной:

– Все равно я спать днем не буду!

Явление мальчишки разрядило накаленную атмосферу. На лицах присутствующих появились улыбки.

– Это разве не ваш сын? – спросил князь.

– Нет, ваше сиятельство, это младший сын покойного графа Битомара, граф Риестфорт. Я всего лишь его воспитатель. Мой сын только-только ножками пошел.

– Простите… ваша милость, – несколько спотыкаясь в словах, произнес старший по возрасту аудитор. – Вы тот самый Кобчик, который устроил осенью кровавую тризну по графу Битомару на фронте?

– Не буду отрицать очевидного, – ответил я.

– То, что у Битомара оказались сыновья, стало большой неожиданностью для императорского двора, – сообщил зачем-то князь. – Непонятно только, зачем он их прятал от света?

– Может быть, он не хотел для них своей участи, – предположил я. – Вы, наверное, также не в курсе, что Битомар серьезно увлекался химией, а его заставляли служить в кавалерии.

– Такое трудно понять и еще труднее в такое поверить, – заметил асессор.

– Вы правы, барон, – кивнул я ему. – Но химия… Это такая наука, которая мало кого оставляет равнодушным, стоит к ней лишь прикоснуться. За ней наше будущее. И хорошее, и плохое.

Возникла пауза, про которую на моей родине говорят – «милиционер родился».

– Чай? Кофе? Чего-нибудь покрепче? – спросил я, чтобы разрядить обстановку.

– Мне лучше водки, – попросил генерал.

– Мне тоже, – поддакнул асессор.

Аудиторы от всего отказались.

– Тогда, господа аудиторы, – внес я предложение, подкупающее своей новизной, – сейчас будет подана коляска, которая вас отвезет во дворец к казначею герцога. Вы успеете еще его там застать. Если герцог соблаговолит, то я буду рад принять вас у себя на заводе. Но без приказа Ремидия… Извините, не властен. Военная тайна.

После ухода аудиторов нам подали можжевеловку из посылки Эллпе и соления, оставшиеся еще от гостинцев жены Гоча. Нарезку из копченой гусиной грудки. Сыр. Маринованную горную зелень.

Генерал выложил на стол свой портсигар, но я молчаливо показал глазами на пирамидку.

– Барон, где это видано, чтобы выпить и при этом не закурить? – рассерженным тоном выговорил мне князь.

– В моем доме, князь, – ответил я ему. – Все тут курят только на хозяйственном дворе. Сам я не курю, а моя беременная жена даже запаха табачного не переносит. Увы… Прошу простить. Итак, раз мы остались в тесной компании без балласта и лишились танцев с бубнами, то прошу вас озвучить, что именно

желает правительство империи от скромного фабриканта?

– Ручные пулеметы.

– Они и так производятся на заводе в Будвице.

– Мало. Мало. Нужно намного больше, – убеждал меня начальник ГАУ.

– Для обычной пехоты они не очень уж и нужны, – возразил я, – так показала боевая практика Восточного фронта. А вот штурмовые роты, кавалерия и горные части без них обойтись не могут. Что сильно сокращает их применение, особенно в окопной войне. И если вам мало пулеметов, то примите наконец на вооружение станковые пулеметы «Гочкиза» – они вдвое легче пулеметов «Лозе», что немаловажно тактически.

– Примем. Этот вопрос сейчас снова на рассмотрении комиссии ГАУ, – заверил меня генерал.

«Врет, наверное, – подумал я. – Только сейчас придумал про комиссию».

– Вопрос стоит в другой позиции, – вклинился асессор. – Насколько возможно расширение производства пулеметов здесь, во Втуце?

– Если и есть некоторая возможность расширения производства, то очень небольшая. Проблема как с территорией – все же центр города, так и со станками. Но главный вопрос у нас в нехватке квалифицированных кадров. Система заводского обучения, конечно, у нас налажена, но… толковый станочник – это не столько образование, сколько опыт.

– Мы в министерстве пришли к выводу, что можно привлечь квалифицированную рабочую силу из числа пленных, – заявил асессор и добавил: – У вас же есть такой положительный опыт в Калуге.

– Есть, – не стал я отпираться. – Но одно дело стройка, ваша милость, другое дело – пулеметы. Не станут ли пленные гнать скрытый брак, который обнаружится только на фронте? Одно дело нам дом построить, пусть даже это будет заводской цех, или дорогу. И совсем другое – клепать стреляющие

машинки, которые будут убивать их соотечественников. Вы лучше винтовки Шпрока поставьте на поток во всех арсеналах, а то в наше время с карамультуками Кадоша воевать уже стыдно.

– Это уже делается. Шпрок на имперском арсенале после механического завода Будвица внедряет свою винтовку в производство. И на заводах концерна «Лозе» тоже. Потом ее поставят на поток в арсенале в Тортусе. Два новых патронных завода уже запустили под это дело. И у вас здесь ее делают, насколько я в курсе.

– Здесь в основном делают только оптические карабины для снайперов. И малые партии для горных стрелков.

– Сейчас главная забота – Западный фронт, – заявил асессор.

– Западный фронт всегда был главной заботой и любимой песочницей генштаба, – постарался я не рассмеяться.

– А что вы предлагаете? Обойтись без генштаба? – поднял брови князь.

– На востоке обошлись как-то, – усмехнулся я. – Генштаб наш только на глобусе воюет, а не на реальной местности. В том-то и его беда. Генштаб оперирует воинскими частями как полнокровными соединениями, а на фронте несут потери, и восполнение людской убыли не поспевает за полетом мысли генштабистов. Они планируют удар полнокровной дивизией, а от нее давно один полк в реальности. И совершенно не понимают того, что новая война требует новой тактики. И новых родов войск. А главное, четкого снабжения.

– Штурмовые роты вводятся повсеместно, – возразил князь.

– Это отрадно слышать. Но штурмовая рота – это вчерашний день. Требуется уже штурмовой саперный батальон. Чтобы силы разграждения сами без промедления наносили первый удар и успешно выкуривали из ДОТов и ДЗОТов их гарнизоны. А вы что делаете? Новатора-сапера в полевой фортификации Вахрумку засовываете в дикие горы дорогу строить. С глаз долой. Это какой завистник предложил такое вредительство?

И поднял руку, останавливая возражения асессора.

– Дорогу построить может любой толковый инженер. А вот в полевой фортификации Вахрумка – гений. Его еще сто лет в учебниках весь мир изучать будет, хотя он построил всего один полевой укрепрайон. Зато какой!

– Вы не правы, барон, – все же возразил мне асессор. – Эта война впервые поставила экономику выше армии. Идет война на истощение. Если бы рецкие стрелки не отжали у Винетии Риест, то мы бы уже голодали. Карточки на получение продовольствия для гражданского населения точно бы уже ввели – все к этому было у нас готово. Их даже напечатали. Поэтому вопрос южных коммуникаций – это стратегическое направление, более важное, чем даже локальные победы на фронте. И бросили на этот прорыв лучших. Даже если сейчас мы отобьем Щеттинпорт, то и он окажется в блокаде флота островитян. Юг и только юг наше спасение. Поэтому и на контрабанду приказано нам смотреть сквозь пальцы, если это только не вывоз за пределы империи стратегических материалов. Но у нас есть что предложить на вывоз контрабандистам – те же пояса для женских чулок, термобигуди, керогазы, светильный керосин… Так что не все решается ротами и батальонами.

Я еле сдержался, чтобы со стула не упасть со смеха. Надо же… мои бытовые поделки – крутая контрабанда.

– Барон, не возражайте Кобчику, – примирительно прогудел князь, неправильно поняв причину моего веселья. – Это именно он придумал штурмовые роты и даже командовал одной такой в бою. Если он говорит, что нужен батальон, значит, нужен батальон. Только учить такие батальоны негде – есть всего один полигон под Будвицем.

– И кто вам мешает? – удивился я. – Трудно городок в чистом поле построить? Затраты медные, а выхлоп золотой.

– У вас тоже нет такого полигона, – усмехнулся князь.

– Для рецких горных стрелков полигон – сами горы, – ответил я с апломбом. – До них нам далеко ходить не надо.

– А сможете вы такой полигон организовать здесь? Под Калугой, к примеру?

– Для рецкой армии он бессмыслен.

– А для армии империи?

– Для этого у имперской армии есть концерн «Лозе», который обладает большими субсидиями и преференциями из имперской казны на постоянной основе, – не удержался я от мстительной шпильки в адрес князя как главного лоббиста «Лозе».

– Вот мы и подошли к самому главному, – заметил асессор. – Наше министерство выделяет приличные деньги…

– Деньги не главное, – возразил я, прерывая его. – Вопрос в том, какие ресурсы выделяются под эти деньги. Сейчас куда ни кинь, всюду клин. Сплошной дефицит.

– Что вам требуется в первую очередь? – Асессор перешел на деловой тон.

– Рельсы, дерево, метизы, хорошая листовая сталь, станки…

– Это все решаемо, – кивнул асессор. – Но квалифицированных людей нет. Поэтому мы и советуем набирать станочников из пленных.

– А сами станки я тоже в лагере пленных возьму?

Нет, они надо мной явно издеваются.

– Если вы войдете в программу привлечения к работе пленных, то станки мы вам дадим. Под них.

– Нет, – возразил я. – Станки вы дадите нам. Новейшие. А старые станки мы отдадим под пленных.

– Пусть так, – согласился он со мной. – Я вижу, вы уже нашли решение, ваше превосходительство, – улыбнулся мне асессор, титулуя меня впервые по придворному чину.

– Есть пара идей, но они требуют серьезной проработки. Имеется у вас возможность поставки мне тонкостенной бесшовной трубы из качественной стали диаметром шестьдесят – восемьдесят миллиметров?

– У вас новое изобретение? – спросил князь.

– Да. Но оно будет полезно, только если наладить к нему достаточное количество оригинальных боеприпасов. Но для этого требуется тротил в промышленных количествах и массовое производство снарядов. Намного большее, чем в расчете на ту же полевую трехдюймовую пушку.

– Новое орудие? – заинтересовался князь по-настоящему.

– Новое, – подтвердил я. – Легкое. Батальонного уровня. Но дивизионного калибра.

– Цветной металл в дефиците, – встрял асессор.

– В том-то и дело, что цветной металл мне для него не нужен. Даже медных поясков на снарядах не будет. Нужна качественная сталь, сталистый чугун, тротил и чувствительные взрыватели, от которых отказался флот. Снаряд будет совершенно новой конструкции. Принципиально новой.

– Какой же? – снова не удержался князь от вопроса.

– Вы узнаете это, ваше сиятельство, из патентной заявки, если убедите меня, что имперский комитет по изобретениям очищен от вражеских шпионов. Иначе нет. Усиливать врага я не намерен. Будет так же, как с моей полевой кухней, которая появилась у врага раньше, чем у нас.

– Насколько мне известно, в имперском комитете по изобретениям сменилась половина состава и вынесено восемь смертных приговоров за шпионаж, – удовлетворил мое любопытство асессор.

– Тогда я согласен, но… – Я сделал многозначительную паузу, привлекая к себе предельное внимание собеседников. – У меня нет лишних денег. А НИОКР дорог.

– Что за НИОКР? – хором спросили чиновники.

– НИОКР – это сокращение такое. Означает «научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки». То, что мы с Гочем ранее делали за свой счет и на свой страх и риск. Но есть одна особенность… Тогда нас никто не знал. А сейчас мы с ним признанные «оружейные бароны империи», так что сначала деньги – потом разработки. То же и с заводами. Завод ручных гранат я могу довольно быстро запустить в Калуге. Скажем так… к лету. Но опять-таки для этого нужны деньги и материалы. Чтобы гранаты были дешевыми, требуется организовать поточное производство. Предельно механизированное.

Перевел дыхание, махнул рюмку водки и продолжил трясти:

– Поставить еще одну линию ручных пулеметов на заводе во Втуце тоже можно. Хотя и с ограничениями по выпуску. При двух условиях. Вы сначала договоритесь с герцогом, как будете делить готовую продукцию. И опять-таки вопрос упирается в финансирование на старте. И в станки по списку. Новые. В первую очередь паровые молоты и прессы.

У меня были отложены деньги на линию ручных пулеметов, но князь с асессором об этом не знают, и знать им не надо. «Теперь все от мене тут зависить», – как говаривал один киношный персонаж.

– Добро. Путь будет так, – покладисто согласился начальник ГАУ и опять завел волынку: – Так вы за полигон возьметесь?

– При условии, что из Будвица начальником такого полигона переведут сюда капитана Щолича с взводом инструкторов, – ответил я твердо, так как полигоном заниматься не имел никакого желания. – Сам полигон построят пленные. В этом как раз нет ничего сложного. Сложно наладить нормальный процесс обучения. И вам требуется договориться с герцогом о выделении земли под него.

– Сколько солдат можно будет обучать на таком полигоне разом? И как быстро?

– Дайте подумать… – наморщил я лоб. – Снайперов можно начать готовить практически сразу. Инструктора есть. Обстрелянные и проявившие себя на фронте. Орденоносцы. Так что человек сорок за учебный цикл подготовим.

– Уже кое-что, – улыбнулся князь.

– Но карабины Шпрока с оптическими прицелами для них придется закупать здесь, во Втуце. И такая учеба требует очень большого расхода патронов. Так что обеспечение ими на вас.

– Как? – удивился асессор. – Я слышал, что снайпера как раз тратят очень мало патронов. Один, максимум два выстрела.

– Для того чтобы научиться так стрелять, человек сожжет не одну тысячу патронов, – просветил его я. – Снайпера – штучный товар. Не каждый человек может стать снайпером, даже если он метко стреляет. Тут нужен комплекс качеств в единстве. Кто-то обучится, а кто-то не сможет. Останется просто метким стрелком. Но не снайпером.

– Штурмовые подразделения? – настаивал князь.

– Постепенно. Для начала от взвода и по мере наработки опыта постоянным составом полигона до роты, и возможно, целиком батальона. Но нужны будут инструктора – саперы и взрывники.

– Ясно. Пулеметчиков учить будете? У ваших людей это хорошо получается.

– Не проблема, – устало ответил я. – Только тогда это уже будет не просто полигон, а целый учебный центр в подчинении рецкой армии. Но если вы захотите во главе его поставить кого-либо кроме капитана Щолича – я просто умываю руки, и пусть этот центр варится в собственном соку. Как сможет.

– Но начальник учебного центра – это… простите, дорогой барон, это уже полковничья должность, – с легким возмущением пророкотал князь.

– Что с того? – ответил я. – Вам нужны штурмовые батальоны или возможность пристроить знакомого майора на теплую должность с хорошим служебным ростом? Если обученные и боеспособные подразделения, то тогда вам нужен Щолич. Если просто отчитаться перед императором «на отвяжись» и поставить в годовом отчете галочку – то ставьте начальником кого угодно. Но в этом случае на мою помощь не рассчитывайте.

– Даже так?

– Только так. Успех моих предприятий в том, что я подбираю людей исключительно по их деловым качествам. Никакого непотизма. И не забудьте обеспечить финансирование такого полигона отдельной строчкой в бюджете ГАУ.

Князь Урагфорт немного подумал и кивнул мне, принимая мои условия. Взял наполненную рюмку и встал.

– Что ж, предлагаю выпить за согласие, – произнес он. – Согласие фронта и тыла – важная составляющая победы.

Потом мы сытно пообедали. И так как беседа прошла несколько сумбурно, то по моему предложению зафиксировали на бумаге обязательства сторон и примерные сроки финансирования, обеспечения и исполнения. Списком с тремя подписями. В трех экземплярах.

Еще я подписал обязательство вхождения в программу привлечения пленных к работе на своих заводах и получил суровую бумагу от Министерства промышленности на право отбирать в любом лагере военнопленных нужных мне людей без ограничения. Препятствовать мне в этом воспрещалось. Со ссылкой на соответствующий императорский указ.

3

Удачный рейд дивизии Бьеркфорта по вражеским тылам на Восточном фронте в газетах стали обсуждать только в самом конце зимы. Но тут уж оторвались, что называется, взахлеб. Не жалея хвалебных эпитетов, сравнивали удетских конников с былинными героями древности. Что в этих писаниях на самом деле было правдой, а что только художественным свистом работников пера – понять было трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Декавилька, или дорога Декавиля, – узкоколейка 500–600 миллиметров шириной из готовых металлических или деревянных секций. Как правило, на конной тяге.

2

Главное артиллерийское управление Имперского генерального штаба.

Купить: https://tellnovel.com/dmitriy-starickiy/gorec-grom-pobedy-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити